

Шэнь
Тао

以
笔
诛
墨
线

18+

Иероглифы СМЕРТИ

Её кисть не должна дрогнуть

Лиса и дракон. Хиты ориентального фэнтези

Шэнь Тао

Иероглифы смерти

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Coe)- 44

Тао Ш.

Иероглифы смерти / Ш. Тао — «Эксмо», 2025 — (Лиса и дракон. Хиты ориентального фэнтези)

ISBN 978-5-04-255352-3

В мире, полном жестокости, даже иероглиф — смертельное оружие. Деревенская девушка Инь Вэй становится наложницей, чтобы спасти любимого младшего брата от голодной смерти. Но в императорском дворце нет места слабости: здесь насилие возведено в абсолют, а жизнь стоит дешевле шелка. Против зависти других наложниц, интриг императрицы и жестокости принца Тэрэна у Инь Вэй нет никакого оружия, кроме смекалки и запретной магии слов. Уверенные росчерки кисти способны отнять жизнь, цепочка иероглифов — помешать тирану прийти к власти. Чтобы изменить будущее, Инь Вэй должна изучить сердце безжалостного принца. Узнать его так же хорошо, как знает саму себя. А потом принять решение, заслуживает ли этот человек смерти. Бестселлер с первых дней продаж! Захватывающее эпическое фэнтези с высокими ставками и неоднозначными героями для поклонников Ребекки Куанг и Кариссы Бродбент. Уникальный авторский мир, созданный с опорой на исторические факты и мифологию Древнего Китая. Необычная система магии, основанная на иероглифическом письме и поэзии. Автор — финалист Премии памяти Майка Резника и двукратный финалист конкурса неопубликованных романов.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Coe)- 44

ISBN 978-5-04-255352-3

© Тао Ш., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Предупреждение	8
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Шэнь Тао

Иероглифы СМЕРТИ

Шэнь Тао Иероглифы смерти

Shen Tao

The Poet Empress

Copyright © 2025 by Storygoose, LLC

All rights reserved

© Гавронская А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
„Эксмо“», 2026

Моим родным, далёким и близким

Предупреждение

Благодарю вас за выбор книги «Иероглифы смерти» – для меня эта история очень важна и ценна. Пожалуйста, примите во внимание, что в романе описаны физическое и сексуализованное насилие, а также жестокое обращение с несовершеннолетними и пытки; сцены злоупотребления алкоголем, а также эпизоды насилия со стороны партнёра. Читателям, чувствительным к подобным темам, рекомендуется проявить осторожность.

Глава 1

Плоды из ниоткуда

Дом Азалий, где шип встречает бутон; Брат предаёт брата, кровь забывает кровь.

Неизвестный маг-словотворец, династия Азалий, 607 год

Моя сестра Фэйяньцао – Живокость – стала пятым ребёнком, которого мы похоронили. Стоял холодный, туманный рассвет. Мы с Ма поднимались на холм за деревней – к Предкам. С собой у нас были только благовония и бамбуковый гробик – такой маленький, что я могла нести его под мышкой.

В пятый раз было легче всего. Она пробыла с нами совсем недолго, всего три дня. Вчера, когда крошечная грудка Живокости перестала вздыматься на вдохе, Ма заплакала, но я в глубине души подозревала, что она оплакивала не дочь, а те лишние чашки риса, что съела во время беременности, – пропитание, потраченное теперь впустую.

Отец и вовсе не плакал. По-моему, он заплакал бы, только если бы Живокость родилась мальчиком.

Мой брат Бао был ещё достаточно мал, чтобы верить, будто умершие девочки в следующей жизни становятся котятками. А котят он любил и потому тоже не плакал.

Так и вышло, что из семьи больше всех по Живокости горевала я, пусть и не так сильно, как в прошлые разы. Когда мы опустили гробик на ложе из маков на самой вершине холма, я разрыдалась. Стоя на коленях на сырой земле рядом с последним пристанищем сестрёнки, я вспоминала, какое прозвище уже успела дать ей про себя: Живчик. В эти три дня я представляла, как мы с ней бегаем друг за другом по иссыхающим рисовым террасам, и её залиvistый смех, когда я покажу ей лучшие места для ловли сомов. Я думала заплетать ей косы – как и положено старшим сёстрам, – пока мы будем шептаться и хихикать, обсуждая деревенских парней.

Мы зажгли благовония. Я поцеловала холодное дерево. Попросила Предков забрать Живокость туда, где она никогда не будет знать голода.

В иное место или иное время.

Я просила Предков позволить ей родиться заново раньше: когда династия Азалий ещё не пришла в упадок и на троне не сидел умирающий император. Просила вернуть её в то время, когда нами ещё правили добрые люди и новорождённые дети не умирали от голода, причины которого никто не знал.

В более ранние времена – или в более поздние. Когда и династия, и император, и троны, и голод обратятся далёким воспоминанием. Я бы хотела, чтобы Живокость родилась именно тогда – в эпоху, когда все дети смогут учиться грамоте, даже бедные, даже девочки.

Земля приняла её быстро. Мы с Ма молча наблюдали, как усики лиан змейками поднимаются из почвы и обвивают гробик. На бамбуке распустились маленькие белые цветы, а в вышине, в кронах деревьев, запел соловей. Пусть наша страна отвернулась от таких, как мы, но Предки оставались с нами.

На Новый год мяса на столе не было. Каждому досталось лишь по полчашки рисовой каши сверх обычного – Бао, поскольку он рос, получил целую, – а также вволю сушёных побегов бамбука и пряной редьки. Мы с Бао ещё получили по две сушёные сливы от отца: он выменял их на яйца у соседа, дяди Хуэя.

После обеда Бао подёргал меня за подол, пока я мыла посуду:

– Отведи меня в город! Я хочу Благословение! Пожалуйста, я очень хочу!

Я улыбнулась и взъерошила ему волосы. Брату было всего семь, мне – почти в три раза больше, и с такой разницей в возрасте я была ему почти второй матерью.

– Дорога дальняя, малютка Бао. Если хочешь, мы можем поиграть дома.

Мне слишком хотелось есть, чтобы тратить силы на дорогу до Гуйшаня. Путь занял бы полдня, в это время было бы полезнее раздобыть лишнюю пищу – набрать листьев одуванчика или наловить в рисовых чеках лягушек – или хотя бы отдохнуть. Но это была не единственная причина для отказа. Самое важное – я не хотела, чтобы Бао постигло горькое разочарование.

Говорили, что на Новый год в города должны являться представители дворца и даровать магию простому народу: две-три стихотворные строки, способные сделать поля плодороднее, защитить хижины от гнуса или исцелить ребёнка от серой немочи. Рассказывали, будто один принц из Дома Азалий как-то создал стихом целое озеро в деревне, измученной засухой. Другой – балладой – будто бы проложил дорогу по долине от Дуэрлуна до самой Облачной Пристани.

Но так было в преданиях. Я ходила в Гуйшань каждый Новый год с тех же лет, сколько сейчас Бао, и ни разу не видела членов правящей семьи. Возможно, в ином месте или в иные времена Императорские Дома и раздавали Благословения, но в отношении нашего я давно потеряла надежду.

Но Бао – нет. Он прижался к моему боку, широко распахнув большие тёпло-карие глаза: как знал, что этим растопит моё сердце.

Я вздохнула, поцеловала его в лоб и сказала:

– Хорошо, малютка Бао. Но держись рядом со мной.

Затем взглянула на Ма, безмолвно спрашивая разрешения. Она сидела на бамбуковой циновке и латала штаны Ба.

– Надень чистую рубашку, Вэй, – сказала она, не поднимая взгляда. – И не забывай: надо ходить как городская девушка. Как мы учились.

Я не упустила намёк в её голосе. Каждая мать в деревне мечтала, чтобы её дочь вышла замуж за парня из города.

К тому моменту, как мы почувствовали под истёртыми подошвами, что пыльная тропа сменилась булыжной мостовой Гуйшаня, колени уже ныли. Но стоило нам пройти в ворота, как я заразилась городским оживлением и мигом забыла о голоде и боли.

Хотя тени уже удлинились, здесь было куда многолюднее, чем у нас в Луани. Под скатами крыш сияли праздничные красные фонарики. На каждом углу торговцы зазывали отведать пельменей, жареных маньтоу или купить трескучие деревянные игрушки. Когда мы вышли на городскую площадь, там было ужасно тесно – нигде шагу ступить.

Повсюду пахло хлопушками.

– Алый порох на пути – деве под венец идти! – весело распевал Бао.

Мы пробирались сквозь толпу. Я крепко держала брата за руку и старалась идти так, как учила Ма: уверенно и в то же время скромно. Я пыталась мило улыбаться. Ма первой начала мечтать об этом, но научила мечтать и меня.

Если меня возьмёт в жёны городской парень, возможно, он будет при деньгах. Если он будет при деньгах, нам с Бао больше не придётся терпеть тупую ноющую боль от голода в животе. Ма будет реже болеть, а Ба перестанет прихрамывать, таская на плечах тяжёлые кор-

зины с рисом. Может быть, у городского мужа даже найдутся лишние деньги, чтобы отправить Бао в школу. А если мой брат пойдёт в школу, он научится читать – и сможет стать кем угодно.

Чиновником, купцом, магом-словотворцем.

Внезапно я осознала, что Бао больше не держит меня за руку. Сердце ёкнуло, я принялась оглядывать переполненную площадь и с облегчением обнаружила его у прилавка, где продавали боярышник в глазури на палочках.

Когда я подошла снова взять брата за руку, то увидела, что в его широко раскрытых глазах стоит тоскливое желание. Но он был сообразительным мальчиком: знал, что у нас нет денег, и не стал даже просить.

– Хочешь сливу? – спросила я его тихим, таинственным шёпотом, уводя от торговца.

Его глаза округлились ещё сильнее.

– А у тебя остались?..

Я одарила его своей самой заговорщической улыбкой и вынула из кармана один из сушёных плодов. Я приберегла обе свои сливы для Бао, зная, как он любит сладости.

Бао радостно пискнул и взял угощение. В тот самый миг, когда он надкусил сливу, по городской площади пронёсся гулкий удар гонга.

Все замерли.

Торговцы перестали зазывать покупателей, покупатели – торговаться, прохожие – разговаривать. Ещё один удар гонга вспугнул стаю воробьёв – они взмыли в небо.

А затем раздался голос глашатая:

– Принц Гуань Исан! Приносящий весну, Покровитель пиршеств и третий сын Дома Азалий!

Бао от неожиданности чуть не выронил сливу. У меня заколотилось сердце. Принц Исан?

Казалось, что это сон – нечто случившееся давным-давно в чужих далёких краях. Было уже само по себе неожиданно, что кто-то из Императорского Дома приехал раздавать новогодние Благословения. Но это был не обычный придворный или слуга.

Это был сын самого императора, носитель магической печати.

На лице Бао застыло такое благоговение, будто он только что получил живое доказательство того, что вся магия в мире настоящая и все обещания правдивы. Я сама была настолько потрясена, что даже не задумалась, почему принц не прислал вместо себя слугу, а прибыл в Гуйшань лично.

Толпа расступилась, давая дорогу процессии, и я невольно отошла назад вместе со всеми. Бао начал карабкаться по мне, чтобы было лучше видно, и я помогла ему усесться у себя на плечах. Сама я почти ничего не видела за спинами людей, которые толкались впереди, вытягивая шеи.

Когда процессия наконец показалась, сомнений быть не могло – это они. Все они были облачены в немеркнущий алый цвет, настолько яркий, что он будто сиял на фоне коричневых одежд простолюдинов и серых стен города.

Но выделялись они не только цветом, но и самой жизнью, которую принесли с собой. Плети распускающихся зелёных лоз обвивали их тела вместо украшений, лилии раскрывались на волосах и рукавах, вдоль ножен мечей цвели магнолии.

Я почувствовала, как рука Бао тянет меня за волосы.

– Смотри, сестрёнка, – прошептал он, на миг перестав сосать свою сливу. – Там, сзади. Это он, да?

Вслед за ударом гонга появился закрытый конный экипаж из красного дерева, увитый глицинией и весенним терновником. С каждой стороны его окружали по восемь стражников.

Экипаж остановился на середине площади. Слуга с поклоном протянул руку и отодвинул занавес, и в благоговейной тишине наружу ступил принц Исан.

Не знаю, чего я ожидала. В легендах дети Императорского Дома были прекрасны и доблестны, почтительны к родителям и щедры. И хотя порой я задумывалась, откуда берутся эти легенды и кому выгодно рассказывать их именно так, я тоже знала их все наизусть. Если верить этим историям, принц Исан должен был быть красавцем.

Если же не верить, стоило ожидать, что он окажется уродом. Императорский Дом был обязан защищать народ от голода. Они должны были следить за тем, чтобы младенцы не рождались крошечными и истощёнными и не отправлялись напрямик в могилу. Такие гнилые сердца, как у сыновей Дома Азалий, должны были сказываться и на облике.

Но теперь, увидев принца – действительно увидев его во плоти, – я обнаружила, что не способна сосредоточиться, чтобы оценить его внешность. Всё моё внимание поглотила Печать Дома, сиявшая на его левой щеке. Я могла смотреть только на неё – как, несомненно, и вся остальная площадь.

По внешнему ровному кольцу печати тянулся цветочный узор Дома Азалий. Внутри был начертан единственный иероглиф. Я, конечно, не умела читать, но в Тэньше все знали печати сыновей нашего императора.

– Го, – прошептал стоявший рядом мужчина своей жене. То же слово слитным гулом катилось по толпе. – Слово Предков, означающее «плод».

Словно в подтверждение, Исан поднял руку.

Земля отозвалась мгновенно. Трещины в булыжнике под нашими ногами со стоном разошлись, и из утоптанной пыли начали разворачиваться побеги кустарников и выющихся лоз. Из земли взметнулись кусты ежевики, шелковичные деревца, тяжёлые грозди винограда на гибких ветвях. Под свесом ближайшей лавки прямо из-под крыши выплеснулись ветви, увешанные грушами. А из водосточных желобов проросли персиковые деревья – в мгновение ока расцвели и начали плодоносить.

Бао восторженно взвизгнул, быстро слез с моих плеч и бросился к маленькому деревцу боярышника. Вокруг нас люди наперебой кинулись собирать плоды.

Я сорвала персик. После первого кусочка мне показалось, что это самое сладкое, что я пробовала в жизни. Сок обжёг пустой желудок, словно огонь, разгорающийся в холодном очаге.

И я неудержимо разрыдалась.

Я хотела и дальше ненавидеть Исана. Хотела ненавидеть Дом Азалий за те годы, когда они не приходили с Благословениями. За то, что они не остановили голод, убивший Живокость и четверых других моих братьев и сестёр, – голод, который всё ещё мог убить Бао. Но я обнаружила, что не могу. Я очень, очень старалась вызвать в себе ненависть, но не могла почувствовать ничего, кроме вкуса персикового сока на губах.

– Я прибыл в Гуйшань, чтобы отпраздновать начало года Дракона. – Звонкий голос Исана пролетел над площадью, вновь возвращая к нему внимание толпы. – Я здесь, чтобы даровать людям Благословения и обратиться с одной просьбой. Но сначала – Благословения.

По его жесту чиновники и слуги в алых церемониальных одеждах достали связки хлопушек и подожгли их. Те взорвались с оглушительным треском, и сквозь дым на городскую площадь посыпались крошечные красные листочки бумаги, словно лепестки айвы весной.

– Поймай одно, сестрёнка! Поймай мне одно! – закричал Бао, и я, как и все люди вокруг, бросилась ловить листочки. Но бороться мне не пришлось – их было в достатке.

В итоге мне удалось поймать два клочка бумаги: на каждом светилась надпись из четырёх иероглифов. Я отдала оба Бао. Он засмеялся как маленький, запрыгал на месте, засунул их в карман и обнял меня.

– Как думаешь, что там? – спросил он, глаза у него так блестели от возбуждения, что я не смогла сдержать ответной улыбки.

– Не знаю. Придётся подождать, пока мы вернёмся домой – там и узнаем, правда?

Казалось, он сейчас лопнет от нетерпения.

– Мы можем спросить кого-нибудь здесь! Кто-нибудь в Гуйшане точно умеет читать. Я так не хочу ждать...

– А теперь – просьба, – объявил принц Исан, и толпа снова умолкла. – Как вам, возможно, известно, мой отец недавно сменил преемника. Наследник Дома Азалий теперь не мой старший брат Маро, а мой второй брат, Тэрэн. В качестве своих новых обязанностей принц Тэрэн начал искать наложниц. Все желающие молодые женщины, способные зачать ребёнка, должны собраться на этой площади для осмотра ровно через неделю, в полдень.

Это объявление вызвало в толпе ещё большее оживление, чем сами Благословения.

Здесь все знали Исана и его печать Го, дар плода, но во всей Тэньше не нашлось бы ни единой души, кто не страшился бы принца Тэрэна и его знака Дао. Принца Тэрэна – которого магия клинков сделала самым могущественным человеком в стране. Принца Тэрэна – ужасающего, беспощадного и жестокого, который теперь должен был унаследовать трон после смерти отца.

Никто не знал наверняка, за какие заслуги больной император внезапно назначил наследником второго сына, но уж точно не за душевные качества. Я слышала, что он может приказать содрать со слуги кожу лишь за то, что тот пролил чай. Слышала, что он может велеть убить собаку, если та залает на него, когда он проходит мимо; что он прикажет отрезать служанке язык, если та забудет обратиться к нему полным титулом.

Я слышала, что он убил собственную мать.

Но по лицам в толпе было видно: сейчас никто об этом не думал. А если и думал, то не придавал этому значения. Из всей речи они услышали только одно: возможность.

– Сестрёнка? – Бао дёрнул меня за руку.

И, как ни страшно было это признавать, я услышала то же самое.

Я рассеянно погладила брата по волосам, глядя вслед удаляющейся процессии. Меня пугало, что я думаю не о жестокости принца Тэрэна, не о содранной коже, убитых собаках или отрезанных языках.

Я думала о сытых животах, о сне в мягкой постели, о маленьких сестрёнках, которых больше не придётся хоронить.

Я думала о том, как пополнеют впалые щёки Ма, а боль Ба утихнет. На дары, положенные любимой наложнице, мы смогли бы купить всё, что захотим, – даже сушёные сливы в обычные дни, а не только на Новый год.

– Я хочу домой, – настаивал Бао. Он снова тянул меня за руку. – Хочу испробовать Благословения. Ну пойдём, пойдём, пойдём!

А я думала о другом. О том, как Бао пойдёт в школу. Пойдёт – и научится читать. Как он оставит позади голодную жизнь в деревне и станет тем, кем пожелает.

Сжав ладонь братишки, я на мгновение позволила себе представить будущее – сладкое, как привкус персикового сока у меня во рту.

Глава 2

Сила и величие

Ма сразу загорелась этой мыслью и сумела заразить своим воодушевлением всю деревню. Всю следующую неделю она принимала подарки от жителей Луани. Тётя Линь отдала мне новые туфли, сыновья дедушки Цая – ожерелья из бусин и ромашек, дядя Хуэй принёс ещё сушёных слив. Всё это должно было отправиться в мою корзину с подношениями в тот день, когда я предстану перед распорядителями, чтобы сделаться наложницей принца Тэрэна.

В Тэньше не давали в долг. Здесь всегда отдавали всё, что могли. Смысл был в том, что если я стану наложницей, то смогу дать землякам гораздо больше. На это и надеялась наша деревня.

Всю неделю я снова и снова убеждалась в щедрости наших соседей и друзей. Мне удавалось сдерживать слёзы, пока у нашей двери не появились сестры Жуй с козой на верёвке.

– Мирна даёт отличное молоко, – сказала Жуй Фань, и её красные обветренные щёки расплылись в улыбке.

– Свежее и сладкое, – добавила Жуй Шина. – Думаю, принцу Тэрэну понравится.

Тут я не выдержала, потому что знала: молоко Мирны предназначалось не мне. Оно нужно было младшему сыну семьи Жуй – мы все знали, что только благодаря этому молоку у Жуй Даня хватало сил бегать и играть.

– Нет, я не могу забрать её, – твердила я сквозь рыдания. – Оставьте Мирну для Даня, умоляю, чтобы он рос живым и крепким.

Но они продолжали совать мне в руки верёвку, а в Тэньше, когда кто-то настаивал трижды, отказываться означало нанести просителю обиду.

Вечером, перед моим уходом на смотр, все жители Луани собрались на холме, где обитали Предки, где были похоронены Живокость, другие мои братья и сестры и многие-многие другие; там, где иногда бродили призраки.

В лиственничной роще среди диких маков мы зажигали красные фонарики и отпускали их в небо.

На какое-то время мы забыли о том, как голодны. Бао возился с другими детьми, с Обе и Сангкой, и даже Ма улыбалась во весь рот, болтая с тётей Райей и Шу Мэншу. Ба с грустным видом сидел рядом с дядей Гао, но я нисколько не печалилась – я смеялась и танцевала. Сначала я кружилась с Жуй Фань, и наши босые ноги отбивали общий ритм, а затем с Цай Сиэром, вложив в его ладони свои огрубевшие от работы руки.

Я чувствовала себя всесильной.

Лишь однажды наша деревня собиралась вот так – десять лет назад, когда мы провожали младшего сына семьи Хар.

Хар Асори всегда был смышлённым ребёнком. Он не раз тайком пробирался в город, чтобы подслушивать уроки за школьным забором. И тогда все отдали всё, что могли, чтобы отправить Хара Асори учиться в столицу.

Асори присылал нам письма каждый год. Никто в деревне не умел читать, но семья Хар до сих пор хранила их и время от времени пускала по рукам, чтобы мы все могли полюбоваться прекрасно выписанными знаками. Асори обладал особой властью – властью заставить других

поверить, что существует жизнь за пределами смерти и голода. И теперь такая власть была и у меня.

Позже той ночью Бао объявил:

– Время для заклинаний!

Мы прекратили веселье и обернулись к нему. С улыбкой, ясной и широкой, как молодой месяц, он вытащил те два листка бумаги, что даровал нам принц Исан. Как бы ему ни хотелось поскорее узнать, какие Благословения в них скрыты, мне удалось убедить его подождать до вечера, чтобы применить магию на глазах у всех. Если владеешь магией, ею нужно делиться.

Честь выпала дедушке Хару. В конце концов, именно его внук ходил в школу.

Мы все наклонились вперёд, когда старик начал выводить палкой на сырой земле те четыре иероглифа с одного из листков. Рука у него дрожала, почерк был неуверенный, неровный от непривычки, но каждый штрих он выписывал с величайшей тщательностью. Я слышала, как все затаили дыхание – точно так же, как и я, – когда дедушка завершил последнюю черту.

Достаточно ли хорош его почерк? Довольно ли силы и доброй воли в послании принца Исана? Примут ли Предки эти слова?

Мои сомнения продлились лишь один удар сердца, потому что результат последовал незамедлительно.

Клочок бумаги в руках дедушки Хара рассыпался в прах. Иероглифы на земле вспыхнули светом. Вспышка собралась в крошечную искру, и та побежала по земле – сквозь грязь и траву, на край холма, где мы похоронили мою самую младшую сестру.

Из этой искорки что-то начало прорастать сквозь землю. Сначала маленький росточек, потом – молодой саженец. Мы все засмеялись и завопили от радости, как малые дети, едва узнали в его листьях персиковое дерево. Благословение не было магией в чистом виде – такой, какую Исан применил при всех в городе; оно не принесло плоды мгновенно.

Но наши сердца всё равно ликовали. Мы знали, что магии в этом дереве хватит, чтобы оно не сгнило на корню. Знали, что в грядущие годы оно даст нам плоды – нужно лишь набраться терпения.

– Следующее! – восторженно закричал Бао. – Следующее!

Он протянул второй листок.

Дедушка Хар снова вывел знаки на земле. Снова последовала вспышка.

На этот раз свечение неожиданно направилось к Бао. В благоговейном молчании мы глядели, как свет поднимается по его ноге к самому сердцу, задерживается там на мгновение и исчезает.

Все уставились на него. Брат и сам во все глаза глядел на себя, опустив голову, прижав подбородок к ключице.

– Благословение досталось Инь Бао, – сказала Шина. Она лишь озвучила очевидное, но это было кстати, ведь именно об этом мы все и думали.

– Ну что? – спросила Ма спустя какое-то время. – Ты чувствуешь что-нибудь необычное?

Бао, всё ещё ошарашенный, покачал головой.

– Это знак, – решительно объявил Ба, поднимаясь на ноги.

Когда в маленькой деревне случается нечто странное, приживается обычно то толкование, что было высказано наиболее уверенно.

И Ба провозгласил со всей возможной уверенностью:

– Мой сын вырастет великим человеком. Быть может, тем, кто изменит мир.

Позже той ночью Ма удивила меня, придя к моей постели. Я уже спала, но проснулась, когда почувствовала, как чужие ладони накрыли мои руки.

– Ма? – прошептала я.

Обнаружив с изумлением, что она тихо плачет, я тут же села и обхватила ладонями её худые щеки.

– Ма, всё будет хорошо. Обещаю.

Я не могла взять в толк, почему она рыдает в ночь праздника. У нас теперь было персиковое дерево Исана, у Бао – второе Благословение, а я, возможно, стану наложницей.

Её душили слезы, но наконец она сглотнула и прошептала:

– А если он обидит тебя? Если он убьёт тебя?

Я моргнула.

– Принц Тэрэн? – Все эти истории о жестокости и смерти, связанные с его именем... – Я буду осторожна, Ма. В конце концов, меня растили вы с Ба – вот я и выросла очень разумной.

Я надеялась, что эта похвала немного утешит её.

– Ты не обязана идти, ты же знаешь, – сказала она дрожащим голосом, хрупким, как опадающие лепестки. – Ты ещё можешь передумать.

Именно тогда я поняла, что Ма любит меня.

Нет, я знала это и раньше. Но всегда думала, что она любит меня так, как в Тэньше любят всех дочерей: любят – потом выдают замуж в семью получше и любят уже как будто чуточку меньше.

Но я не знала, что она любит меня так сильно. Так, что не желает мне попасть во дворец, стать наложницей принца Тэрэна и принести семье богатство его дарами – если это сулит мне боль. Я и представить не могла, что она предпочла бы, чтобы я осталась.

И она была права. Я действительно могла передумать. Могла попытаться выйти за городского парня и вытаскивать семью из нищеты медленно, а не рывком – по одному медяку, по одной чашке риса за раз.

Но тут я вспомнила всех жителей деревни, собравшихся сегодня на холме; их глаза, в которых блесело отражение фонариков в небе. Вспомнила то чувство всеислия. Представила, кем мог бы стать Бао, если бы пошёл в школу и научился читать, – и поняла, что не могу выбрать иной путь.

Я поцеловала Ма в щёку и солгала:

– Я не боюсь ни принца Тэрэна, ни Дома Азалий. Я вообще ничего не боюсь.

Глава 3

Гуйшаньское посмешище

В ту ночь я, может, и чувствовала себя всесильной, но на следующий день, когда солнце поднялось высоко и мы вышли на городскую площадь с корзиной даров и Мирной на привязи, я почувствовала себя дурой.

Я была далеко не единственной претенденткой, борющейся за внимание принца Тэрэна. Этому не следовало удивляться, но я всё же удивилась. Площадь заполнили юные девушки, их было по меньшей мере несколько десятков. И все они выглядели куда лучше меня – это была правда, а не ложная скромность.

Это были городские девушки, в отличие от меня, они выросли не на рисовых полях. Их кожу не обжигало солнце, их щёки не ввалились, губы не потрескались. В их корзинах лежали не булочки и сушёные сливы, а цветы, драгоценные камни и шёлковые ткани.

Как я вообще могла подумать, что принц Тэрэн пожелает видеть при дворе меня?

Мои родные, пришедшие со мной, разделяли мои опасения. Особенно Ма. Её губы сжались в тонкую линию, когда она оглядела других девушек – их чистые крашенные одежды, прочные туфли, накрашенные ногти. Для такого важного случая я заплела волосы в косы, но в сравнении с городскими причёсками моя выглядела грубой и неопрятной.

Одна из девушек неподалёку, явно подрисовавшая брови тушью, и вовсе рассмеялась нам в лицо, когда мы проходили мимо.

– От него воняет, – сказала её подруга, ткнув пальцем в Ба.

Вокруг раздались жеманные смешки, такие притворные и лживые, что кровь вскипела у меня в жилах.

Руки Бао сжались в кулаки, но я крепко держала его. Я и сама была в ярости – сердце разрывалось при виде того, как обмяк Ба, как сторбились его плечи под градом насмешек, – но я знала, что драка выставит нас в ещё более дурном свете.

Я встала в самый конец очереди. Мои родные отступили куда-то в тень, дожидаясь в стороне. Я вознесла безмолвную молитву Предкам. *Дайте мне помочь моей семье. Дайте мне помочь моей деревне. Пусть Бао пойдёт в школу. Пусть выберут меня.*

Вскоре начался отбор. Сначала появились местные чиновники, чтобы присмотреть за нами, а затем – представители Дома Азалий.

В этот раз было меньше шума и церемоний, чем на Новый год, тем более что в процессии не было принца. Прибыло всего двое посланников, но мы всё равно затаили дыхание при виде их алых дворцовых одежд, заметных и ярких. Невозможно было отвести взгляд от их лошадей, у которых вместо грив были листья, а вместо хвостов – цветы, и пахли они не животными, а далёкими садами. Они тянули за собой экипаж, сплошь увитый гвоздиками.

Один из придворных принца сошёл на землю. Это был улыбчивый мужчина с мягкими чертами лица и певучим голосом.

– Я Ли Цыи, евнух на службе у принца Гуань Тэрэна, Зимнего Дракона, Неподвластного Смерти, второго сына и наследника Дома Азалий.

Второй придворный, с огромным мечом за спиной, не стал спешиваться.

Ли Цыи пошёл вдоль ряда девушек. Ко всеобщему удивлению, он даже не заглянул в наши корзины с подношениями – их молча собрали местные чиновники. Единственное, что

его интересовало, – это наши тела. Он осматривал уши, глаза, грудь и зубы. Заставлял снять обувь, чтобы взглянуть на наши ступни.

Когда он дошёл до меня, последней в ряду, его смех был ещё более жестоким, чем смешки городских девчонок.

– От тебя несёт деревней, – бросил он.

Я не поднимала глаз. Ма говорила мне, что городские парни предпочитают кротких и молчаливых девушек, и я подумала, что, возможно, принцу Тэрэну – а значит, и его представителю – нравится то же самое.

Цьи продолжил обход. Осмотр занял совсем немного времени. Дважды пройдя вдоль ряда, Цьи указал на девицу, что прежде смеялась над моим отцом, – ту, с накрашенными бровями.

– Ты. Пойдём.

Это было так же буднично, как покупка капусты на рынке.

До меня не сразу дошло, что меня не выбрали, – осознание пришло лишь тогда, когда Цьи начал помогать той девчонке забраться в экипаж.

В этот миг я полностью утратила разум. Я сорвалась с места и со всех ног бросилась к евнуху.

– Прошу вас! – Слова сами полились с губ, и я не успела остановить их. – Ей это не нужно! Это нужно мне! Она не знает, что такое голод, а я голодала всю жизнь!

Цьи взглянул на меня, как на муху в чашке риса:

– И какое же значение имеет то, что нужно какой-то деревенщине?

– Я знаю, что я ничто, но прошу вас. – Я упала на колени. Это было совсем не в моём духе, но в тот миг я впала в такое отчаяние, что пошла бы на что угодно. Желудок сводило от голода, а мышцы горели огнём после долгой дороги. Но я не могла думать ни о чём, кроме Бао. Я хотела, чтобы он вырос высоким и здоровым, чтобы он поехал учиться в столицу, как Хар Асори, и стал великим человеком, как сулило ему Благословение. – У меня есть брат. Он совсем маленький и худой как щепка.

Я не хотела оплакивать его так же, как Живокость, мою крошку Живчика – но боялась, что так и будет, если голод не отступит. Это окончательно сломило бы меня.

– Это что, шутка такая? – Брезгливость Цьи стала ещё заметнее. – Деревенская девчонка, да ещё и дурнушка, мечтает стать наложницей Императорского Дома.

– Так пусть принц посмеётся, – выпалила я, не раздумывая.

Евнух уже собирался сесть на лошадь, но замер.

Я поднялась с колен, и следующие мои слова прозвучали злее, чем стоило бы:

– Если это шутка, как вы говорите, так пусть Его Высочество принц Тэрэн посмеётся надо мной. Привезите меня к нему и посмотрите, не будет ли ему в удовольствие показать всем, какая я уродливая, какая грязная и костлявая. Что вы потеряете, если он потешится над бедной деревенской девчонкой, а потом велит отрубить ей голову?

Говоря всё это, я не ожидала, что он действительно ко мне прислушается. Я просто высказывала без разбора то, что подсказывали гнев и отчаяние.

И уж точно я не ожидала, что он улыбнётся, блеснув жемчужно-белыми зубами, и жестом пригласит меня в экипаж.

На прощание времени почти не осталось.

Бао вцепился мне в ногу и со слезами просил поскорее приехать домой в гости. Ма рыдала. Ба стоял молча и неподвижно, словно изваяние; это был его способ сказать, что он тоже будет скучать.

Глава 4

Дом Азалий

Девушку в экипаже звали Цзоу Миньма. Ей было восемнадцать лет, и она была дочерью словотворца. Мы заговорили не сразу – по понятным причинам мы не слишком-то нравились друг другу, – но в экипаже, проезжавшем, покачиваясь, мимо иссохших бесплодных земель, было совершенно нечем себя занять, и в конце концов мы сдались.

Её отец писал заклинания для починки одежды и одеял и продавал их в архивы Гуйшаня. Оба её брата, старший и младший, ходили в школу, так что я смекнула: семья у неё была среднего достатка. Мне хотелось спросить, не выучилась ли втайне читать она сама, но я знала, что она не скажет правду, даже если это так. Девушки не признавались в том, что умеют читать, если хотели сохранить себе жизнь.

К тому же она смотрела на меня с большим подозрением.

– Откуда ты взяла деньги? – то и дело спрашивала она, выгнув подкрашенную бровь. – Ты никак не могла попасть сюда без взятки. Ты же ничего не смыслишь в том, как быть наложницей.

– А ты, значит, смыслишь? – парировала я. Видя, что она молчит, я попыталась придумать, как выведать у неё побольше, и выбрала путь лести. – Весьма впечатляюще, что девушка из Гуйшаня так хорошо знает, какова жизнь в столице.

– Разумеется, я это знаю, – огрызнулась она. – Я тебе не тупая деревенщина. Я разбираюсь в политике. И слежу за войной из-за престолонаследия.

– Войной из-за престолонаследия? – Я неловко потерла пальцы, стараясь выглядеть смущённой из-за собственного невежества.

Её губы скривились в самодовольной ухмылке – ей явно льстило знать что-то, чего не знаю я.

– Ты думаешь, принца Маро обрадовало, что вместо него выбрали брата, хотя он всю жизнь был наследником? Думаешь, со всей своей властью и союзниками он правда даст принцу Тэрэну приблизиться к трону? Эти двое грызутся за Венец с тех пор, как научились понимать, что он означает. Если бы Тэрэна можно было убить, Маро сделал бы это давным-давно.

Брат против брата. Брат убивает брата. Я попыталась представить, как Бао причиняет боль кому-то живому – хотя бы воробью, – и не смогла.

– Это правда? – спросила я едва слышно. – Что наш принц защищён заклинанием, которое делает его бессмертным?

Во всех слухах о наших принцах, долетавших до Луани, я никогда не знала, где правда, а где приукрашивание.

Миньма метнула в меня яростный взгляд:

– Арицинский Щит? Молись, чтобы это было правдой. Если Тэрэн не доживёт до Увенчания, тогда какой смысл нам быть наложницами? Какой смысл терпеть, чтобы он раз за разом осеменял нас, в надежде, что хоть одно семя даст росток? – Она выглянула из окна экипажа на голые холмы, где не росло ничего съедобного. – Какой смысл страдать, если мы ничего не получим взамен?

Ближе к вечеру я впервые увидела Дом Азалий. Экипаж взобрался на гребень холма, и, почувствовав запах цветов, я решила отодвинуть занавеску и выглянуть наружу.

В первый миг у меня пресеклось дыхание.

Дом Азалий был прекрасен той красотой, ради которой учёные мужи слагают стихи. Бывает величие, которое невозможно объять простой прозой.

Великолепный пурпурно-красный дворец покоился между двумя вершинами, поросшими буйной зеленью, – меж их теней сочился свет заходящего солнца. Это невероятное строение простиралось на огромное расстояние: многоярусные пагоды, переходы и внутренние дворики – всё это было видно лишь потому, что мы пока не подъехали близко. На окружающих его склонах цвели цветы десяти тысяч оттенков: красные маки, жёлтый рапс, синие гиацинты и множество других, чьих названий я не знала.

Огромный красный дракон лентой разворачивался в небе, лениво, точно большое облако, догоняя собственный хвост. Я не сразу заметила его, потому что его цвета сливались с закатным солнцем, но, как только разглядела, что он там, уже не могла отвести глаз.

– Этот дракон, – заговорщически пояснила Миньма, – и есть Венец Дома Азалий. Он служит тому, кто взойдёт на престол, и усиливает его магию в тысячу раз. Сейчас это Гуань Мучжа, но скоро будет Тэрэн. – И договорила, добавив в голос вполне ощутимую угрозу: – А после Тэрэна – мой собственный сын.

Я попыталась представить своего сына, повелевающего Венцом Азалий, и не смогла. Сама эта мысль приводила меня в ужас. Мне стоило бы скорее бояться клинков принца Тэрэна – тех, что отрезали людям языки, – но я могла думать лишь о том, как сильно мне не хочется, чтобы меня осеменяли вот так – лишь в надежде, что после соития во мне вырастет магический плод. И если бы каким-то чудом Небес это действительно произошло, я бы не хотела девять месяцев вынашивать дитя этого человека в своём чреве.

Но потом я подумала о своей семье, о родных, которые нуждались во мне. И о Бао – прежде всего о Бао. И, обняв себя, чтобы не зябнуть, попыталась всё-таки представить такое будущее.

Я представляла, как стану высокопоставленной наложницей при дворе и буду пить чай с принцем в тех прекрасных пагодах. Представляла, что рожу принцу Тэрэну сына – сына с печатью, который обрадует его настолько, что он не причинит мне вреда, а вместо этого пошлёт Благословения на мою родину, в Луань.

Закрыв глаза, я мысленно изо всех сил вцепилась в этот образ, потому что знала: если отпущу его – разрыдаюсь. Зачем я сказала Цьи привезти меня сюда, чтобы сделать посмешищем для принца? Зачем сказала, что мне всё равно – пусть смеются, пусть хоть обезглавят?

Позже, когда воздух остыл, а в небе замигали звезды, экипаж наконец остановился.

Я думала, что, стоит мне выйти наружу, я сразу увижу принца Тэрэна – с сияющим на щеке знаком Дао. Воображала, как он направит на меня меч и велит изрубить на месте, едва увидев, насколько я ему не подхожу.

Но его там не было. Ночь выдалась тихой, лишь у арочных ворот стояло несколько стражников. Должно быть, это был боковой вход – неприметный, спрятанный за тяжёлыми от цветов ветвями, среди свиста ночных птиц.

Конечно, принца и не могло здесь быть, осознала я. Наследник был слишком важной особой, чтобы сразу по прибытии смотреть на каких-то двух претенденток из предполагаемого множества. Эта мысль принесла мне такое облегчение, что я даже устыдилась.

Цьи шепнул что-то одному из стражников, и тот ушёл внутрь. Мгновение спустя дверь отворилась, и вышли две девушки в струящихся одеждах.

– Это прислужницы Дома, – любезным тоном пояснил Цьи. – Они отмоют вас и приведут в надлежащий вид. – На слове «надлежащий» его взгляд недвусмысленно скользнул по мне.

Нас повели внутрь, и я старалась не слишком глазеть по сторонам. Во дворец всё было сделано с поразительным мастерством: от древних стен ярко-красного цвета до фонтанов и

искусно подстриженных деревьев османтуса. Пока мы шли по галерее вдоль внутреннего двора, я заметила, что даже на самых маленьких колоннах была золотая гравировка, изображавшая древних мужей с печатями и их сражения с демонами, могуями и иными чудовищами. Даже красные фонари, освещавшие путь, могли поведать какие-то истории – на их бумажных боках были начертаны строки стихов.

Наконец мы прибыли в дальнее, укромное крыло Дома Азалий.

– Это Чертог Земной Чистоты, – сказала прислужница Миньмы. – Здесь будут жить претендентки. – Сотни жилых комнат выходили в огромный, засаженный пионами двор, и в каждом окне мерцал свет свечи. – День Отбора через месяц. Если Его Высочество решит оставить вас в числе своих тридцати наложниц, вы переедете в его Восточный дворец, Дворец Клинков. Если нет – вас отправят домой.

– Сюда, – сказала моя прислужница и указала в сторону, противоположную той, куда собиралась вести Миньму её сопровождающая.

Прежде чем мы разошлись, Миньма внезапно схватила меня за запястье и прильнула к моему уху:

– Может, ты и деревенская простушка, да ещё и страшненькая, но ты тоже из Гуйшаня. Я не хочу твоей смерти. Поэтому слушай и запоминай: не доверяй ни одной женщине при дворе. Мы не сражаемся мечами и стихами, как мужчины, но у нас есть свои способы вести войну. Ты можешь подумать, что женщины здесь – твои подруги, но мы все – соперницы. Все мы боремся...

– За принца, – подхватила я – ведь это казалось самым очевидным.

– За власть, – поправила меня Миньма. – Голодные отчаяннее всех. А это известно даже Предкам: женщины давно изголодались по власти.

С тем мы разошлись в разные стороны.

Глава 5

Участь наложниц

*О Тэньша, мать-земля! Культуры колыбель, Приют последний для
мужей великих. Трепет мир пред взмахом твоей кисти.
Тан Гевэнь, династия Азалий, 589 год*

Но когда прислужница привела меня туда, где мне предстояло жить – в тёплую, залитую светом фонарей комнату, скрывавшуюся в самой гуще пионовых кустов, – всё, на что я оказалась способна, это детский восторг. Все поверхности покрывали яркие ковры, занавеси и ковры, распускаявшиеся живыми цветами. Бумажные фонарики на каждом столе развеивали ночную прохладу. Я видела собственными глазами вещи, о которых прежде слышала только в сказках: бронзовые зеркала, фарфоровые чаши и лакированную мебель, сделанную, по всей видимости, из сандалового дерева.

Хотелось бы мне сказать, что я вняла предостережению Миньмы. Что я продолжала бояться женщин Дома Азалий, или принца с его клинками, или даже принца Маро, замышляющего вернуть себе право на Венец.

У решётчатого окна сидела кошка с листьями падуба вместо шерсти, помахивая хвостом; она наблюдала за мной, купаясь в лунном свете. Ещё один признак того, что в Доме Азалий повсюду жила магия. Под её взглядом я снова почувствовала себя маленькой девочкой, которая ничего не знает о мире.

К моим покоям примыкала купальня. Зайдя внутрь в поисках места, где можно помыться, я обнаружила уже набранную ванну – ещё тёплая вода благоухала лепестками гибискуса. Я долго соскребала с тела толстый слой грязи – с ломких чёрных волос, с огрубевших подошв, из-под обкусанных ногтей. И всё это время гадала: хватит ли этого, чтобы стать чистой, или во мне есть нечто неуловимое – некий отпечаток деревни, – что не смоешь никакой водой?

Когда подали ужин, еды там хватило бы на целую семью. Повар называл каждое блюдо, которое ставил на стол:

– Томлёная курица с машем. Пельмени с креветками и морским ушком. Суп с яичными цветами. Лепёшки из тысячелетнего инжира для красоты и долголетия...

К тому времени как он ушёл, на столе расставили больше сотни блюд.

Сначала я просто стояла в оцепенении, будто забыв, что такое еда. Даже рис здесь был другим – белоснежным и чистым. Мне редко доводилось видеть миску чистого риса, без примеси отрубей, коры или собранных на склонах трав. Даже на Новый год у нас была лишь жидкая каша.

Новый год был совсем недавно. Перед глазами у меня всё ещё стояла картина, как Ба отдаёт лишнюю миску риса Бао. Я хорошо помнила, как он ел после этого свою долю: медленно, по зёрнышку, чтобы закончить трапезу одновременно с сыном.

А теперь всё это досталось одной мне.

Мне следовало бы возненавидеть за это Дом Азалий. Вместо этого я ела так быстро, что суп обжигал язык. Впервые в жизни постоянная ноющая боль в животе исчезла, словно тень, испугавшаяся солнца. И именно тогда я поняла – по-настоящему поняла, – почему деревенские девочки мечтают выйти за городских парней, а городские девушки – за принцев.

Я хотела остаться здесь навсегда.

Я хотела остаться, даже если мне придётся жестоко бороться с другими женщинами дворца и уворачиваться от ножей Тэрэна. Даже если меня будут оплодотворять снова и снова, пока я не рожу сына. Лишь бы больше никогда не знать голода, думала я – и пусть делают со мной всё, что им заблагорассудится.

Но чтобы что-то произошло на самом деле, мало одного желания. Будь иначе – моя сестрёнка Живокость была бы сейчас жива.

Наутро я снова вспомнила, как мало у меня шансов быть избранной: стоило лишь увидеть остальных девушек. Они прогуливались под грушевыми деревьями во внутреннем дворе, в дымке рассвета, шаги их были грациозными, а голоса – нежными. Смеясь, они прикрывали рот рукавом так, что видны оставались только глаза.

– Я из северной части провинции Лань, – услышала я слова одной из девушек. – Моей семье принадлежат три дома дани близ степей. Каждый месяц мы устраиваем пир для нескольких городских чиновников.

– О, как впечатляюще, – ответила её спутница тоном, в котором сквозило обратное. – Моя недостойная семья владеет всего лишь флотом торговых судов. Увы, нам приходится давать пиры для сотен чужеземных сановников каждую неделю.

Именно из таких подслушанных разговоров я узнала, кем были остальные претендентки: дочерьми министров, учёных мужей и высокопоставленных чиновников. Была здесь даже племянница императрицы – Цзя из клана Сунь. Чем больше я узнавала о них, тем глупее себя чувствовала.

Как я вообще могла подумать, что принц выберет меня? Я была неподходящей невестой даже в сравнении с теми, кто пришёл на осмотр в Гуйшане. По сравнению же с этими женщинами я чувствовала себя сорняком, пытающимся расцвести среди лотосов.

Шептались женщины и о другом: о войне за престол между пятью принцами, о слухах, насколько тяжело на самом деле болен император. Поговаривали, что он уже несколько месяцев не может связать и двух слов и что решение сделать наследником принца Тэрэна было одним из последних проблесков его разума.

Но больше всего судачили о наложницах прошлых поколений.

Как они завидовали друг другу. Как баловали их императоры. Как яростно они враждовали. Впрочем, так ведут себя почти все императорские наложницы.

Чем больше я слышала, тем тревожнее мне становилось. Говорили, что во Внутреннем дворе императора Мучжи, где когда-то было тридцать женщин, остались лишь императрица и ещё одна наложница. Кого-то сочли недостойной и выслали; кто-то сбежал по доброй воле.

Но большинство – умерли.

Девушки шептались о ножах, о ядах и об утоплениях в безлунные ночи. Дворцовые евнухи, со своими вечными улыбками – то ли самодовольными, то ли жалостливыми, – заверяли нас, что все эти смерти – не более чем несчастные случаи.

На третий день начались наши занятия.

Гонг будил нас на заре, ещё до первых птичьих песен. Вместе с сотнями других претенденток я выходила во внутренний двор; мы рассаживались аккуратными рядами прямо на траву, ещё влажную от росы. Пока грушевые деревья осыпали нас лепестками, Дом Азалий присылал к нам одного наставника за другим: нас учили, как наложнице подобает одеваться, ходить и разговаривать с высокопоставленными особами.

Пригласили даже старшую наложницу – ту самую, последнюю из оставшихся при дворе императора, – чтобы она научила нас искусству ублажения мужчин.

Госпожа Чара, хрупкая женщина с резко выступающими скулами, говорила тихо и без тени улыбки.

– Важно никогда не переходить к главному сразу. – Её голос был подобен шёпоту ветра. – Сперва вы должны взращивать желание в своём принце – так долго, как он вам позволит. Это даёт магии накопиться в нём, чтобы его семя стало как можно более сильным. Вы должны понимать: зачать императорское дитя несравненно труднее, чем обычное. Жизнеспособное семя – невероятная редкость. Только в мужском семени, благодаря его силе, может содержаться магия Небес, но лишь ничтожная его доля способна выжить и породить дитя.

Она объяснила, что нашему императору пришлось сеять своё семя многие тысячи раз, чтобы на свет появились пятеро принцев с печатями – Маро, Тэрэн, Исан, Киран и Жуйи. И даже пятеро – это необычайно много. В прежние эпохи удачей считалось зачать хотя бы двоих наследников, чтобы обеспечить преемственность рода.

Наверное, поэтому им и требовалось столько девушек.

– Вот почему техники так важны. Они помогают повысить шансы. Это во многом похоже на словотворцев и их поэзию. Благозвучные ритмы способны призвать магию из любого источника – будь то Небеса, Предки или наш принц. Техника, которой я обучу вас сейчас, была разработана в ранние годы династии Сунь любовницей императора Вэньнина. Она называется «Искушение змеи».

Две служанки подняли бамбуковый шест, и госпожа Чара показала нужные движения.

У меня глаза полезли на лоб, когда я это увидела. Ма говорила мне, что зачатие детей – вещь естественная и любая девушка в Тэньше рождается, уже зная, как это делать. Мне и в голову не приходило, что она может ошибаться, что этому нужно учиться.

Сидевшие рядом девушки принялись практиковаться на собственных воображаемых бамбуковых шестах, и я неуклюже пыталась подражать их движениям.

Закончив с этой техникой, госпожа Чара перешла к другим. «Трепет мотылька», «Скольжение журавля», «Вихрь каллы». Мне все они казались очень похожими, но беглого взгляда на других претенденток хватило, чтобы понять: они схватывают урок куда легче и увереннее. Возможно, все они понимали своё предназначение задолго до того, как попали во дворец.

Миньма, как я заметила, вовсе не следовала собственным советам.

Вместо того чтобы остерегаться других девушек, как она наказывала мне, она пыталась со всеми подружиться. Отец, должно быть, снабдил её заклинаниями, чтобы она могла переписывать их на землю и чинить дворцовые платья: я видела, как она раздавала другим листки бумаги, стараясь снискать чужое расположение. В перерывах она о чём-то шепталась с Ту Янь, сестрой генерала, а позже тем же утром пыталась заключить союз с Айкой и Тирон, дочерьми учёных.

Однажды она даже попыталась втереться в доверие к Сунь Цзя.

Но племянница императрицы лишь взглянула на неё с отвращением, как сама Миньма – на Ба у нас дома, в Гуйшане.

– Дочь словотворца, – фыркнула Цзя, брызнув землёй на платье Миньмы. – Если заклинания твоего отца чего-то стоят, почему его до сих пор не призвали во дворец служить самому императору?

Миньма никак не ответила на вызов. Она просто отряхнула грязь и пошла дальше. Не прошло и десяти вдохов, как она уже сидела за одним из столиков под грушевыми деревьями и пила чай с Юань Лили и Лиру Сыра.

Может быть, подумала я в сомнениях, и мне пора было заводить себе союзниц. Я решила забыть о нашей прежней вражде и подойти к Миньме.

– Можно я сяду с вами? – спросила я.

Её острый недобрый взгляд встретился с моим. Долгое время она смотрела на меня, не говоря ни слова.

Именно Сыра, с лицом, напудренным до меловой белизны, нарушила молчание:

– Ты её знаешь?

Миньма мгновенно насупилась:

– Её? С чего бы мне её знать? Я ни словом не обмолвилась с этой замарашкой.

– Глядите, она даже пояс завязала не на ту сторону, – подхватила Лили. – Она что, никогда в жизни платья не носила?

Они всё ещё смеялись, когда я поспешила скрыться с их глаз.

Я пыталась поладить и с другими, но везде меня встречали с презрением. То ли девушки с первого взгляда понимали, что я из деревни, то ли сплетни разлетались так быстро, что все уже знали, кто я такая, – но никто не желал иметь со мной дела.

Единственной, кто проявил дружелюбие, оказалась невысокая бледная девушка по имени Сиэра. Она нашла меня ясным ветреным днём, когда я наблюдала за ласточками, порхающими под карнизами.

– Вэй... – протянула она. – Какое любопытное имя. Что оно означает?

Это был вполне разумный вопрос, ведь в языке Тэньши один и тот же слог мог иметь множество значений.

– Оно означает «хвост», – ответила я, не на шутку смутившись. – А ещё «конец» и «последняя». Когда я родилась, родители думали, что я буду их последним ребёнком.

Вот только вскоре после этого умерли два моих старших брата, один за другим, так что родителям пришлось и дальше пытаться зачать сыновей.

Сиэра одарила меня кошачьей улыбкой:

– Может, тебе суждено положить конец чему-то плохому, чтобы могло начаться что-то хорошее.

Это было сказано очень по-доброму, и я решила, что наконец-то обрела союзницу. Но на следующее утро я проснулась и увидела на своём подоконнике окровавленный хвост ласточки. По маленьким нежным пёрышкам ползали жирные мухи, и от него уже исходило зловоние. Тела птицы нигде не было.

Я изо всех сил старалась не принимать это близко к сердцу. Я твердила себе, что неважно, нравлюсь я кому-то или нет, ведь я здесь не ради них, а ради Бао. Но всё равно той ночью я немного поплакала, свернувшись калачиком на кровати: шёлк был таким мягким, что на нём трудно было уснуть. Я никогда прежде не встречала людей, подобных этим – жестоких, словно злодеи из сказок.

Я всё гадала: родились ли они такими – или их сделал такими дворец: подобно тому как горная сосна на краю обрыва искривляется под порывами сильных ветров?

Наше обучение продолжалось. На пятый день пришёл императорский лекарь, облачённый в шуршащие чёрные одежды.

– Известно несколько мест, где в теле мужчины живёт магия, – провозгласил он и велел евнуху раздеться, оставив лишь повязку на бёдрах. Палочкой он стал указывать на разные точки на его обнажённом теле. – Если вы хотите увеличить шансы на передачу этой магии сыну, вы должны знать, как прикасаться к этим точкам и как воздействовать на них. Здесь, здесь и вот здесь.

На седьмой день из столицы, города Силана, прибыл аптекарь. На нём был украшенный кисточками головной убор учёных мужей; с собой он принёс большой ящик, из которого стал извлекать мешочки и позвякивающие склянки.

– Это возбуждающие снадобья, созданные для пробуждения чистой магии Небес.

Их было множество – от настоя женихеня и жабьего яда до фиников цзао и чего-то тёмного и горького, что он назвал «отваром красных бобов». После того как мы всё осмотрели, он заставил нас заучить длинный список ароматов из диких цветов и трав, подчёркивая, как важно подбирать благовония под настроение принца.

– Это как сочетать димсамы с редким сортом чая.

На десятый день управляющий дворцом Лю Ху посвятил нас в его внутреннее устройство.

– Дом был построен две династии назад, после объединения Тэньши. Это самый большой дворец в истории. В его стенах трудятся четыре тысячи слуг, здесь восемь главных дворцов, шестьсот павильонов и двести сорок садов.

Это был весёлый, увлечённый молодой евнух с огромными рукавами, которые так и порхали в воздухе, пока он говорил.

– К сожалению, вам будет доступен не весь дворец. Видите ли, Дом разделён на Внутренний двор и Внешний, и эти части строго обособлены. Женщинам запрещено покидать Внутренний двор, равно как и мужчинам нельзя входить туда. Только ваш принц и евнухи могут посещать вас – дабы блюсти чистоту наложниц.

Ночью, вернувшись в свои покои, я прокручивала в голове каждый урок, шевеля губами, повторяя новые понятия. Мне было трудно, всё казалось слишком чуждым, но я хотела сделать всё, что в моих силах. Я приехала сюда, чтобы привезти дары своей деревне, и не хотела возвращаться с пустыми руками.

В ночь перед отбором у нас состоялось последнее за-нятие.

– В лунном цикле примерно тридцать дней, – сказал астроном в расшитых звёздами одеждах. Голос его напоминал шум кипящего чайника. – Женская энергия прибывает и убывает вместе с луной, и поэтому ночи принца должны распределяться соответствующим образом. Самые благодатные ночи отведены для его будущей жены, Наречённой императрицы. Он может делить с ней ложе в любое время, включая полнолуние...

Далее он объяснил систему рангов наложниц и то, как она предписывает им разделять ложе с принцем. Если принц не пожелает видеть императрицу, он может призвать одну из двух Благородных супругов – в любую ночь, кроме полнолуния. Наложницы первого ранга могли рассчитывать на ночи только при убывающей луне и дней за ними, второго ранга – лишь при полумесяце; третьего – лишь при четверти луны. А самые низкие по положению спутницы, по словам астронома, рассматривались лишь тогда, когда луна была совсем тонкой или вовсе исчезала с небосклона.

По рядам девушек прокатился тревожный шёпот. Это было суровое напоминание о том, что соперничество между нами не закончится в День Отбора. Даже если нас выберут во Внутренний двор принца, нам всё равно придётся соперничать за право разделить с будущим императором ложе – совсем как наложницам прошлых поколений. Мы будем бороться друг с другом за крошечный шанс применить техники госпожи Чары и за ещё меньший шанс стать матерью сына с печатью – за шанс обрести власть.

Астроном неодобрительно нахмурился.

– Добродетельная наложница, – сказал он с видом поучения, – не должна завидовать тем, кто получает больше времени с принцем. В конце концов, разве мы все здесь не ради общей цели? Дом Азалий силён лишь благодаря сыновьям с печатями. Завтра, во время Отбора, вы должны молиться за успех друг друга, ради величия и долголетия нашей страны!

Он говорил так, словно в мире не было ничего важнее.

Но это едва ли уняло тревогу претенденток. Когда настал День Отбора – серый, с тяжёлым небом, обещавшим дождь, – девушки были настроены не менее воинственно, чем в первое утро.

И, как ни стыдно это признавать, я чувствовала то же самое. Встав в одну линию вместе с ними для долгого перехода к Восточному дворцу, я позволила себе ощутить в собственной душе слабую искорку надежды.

«Если случится чудо, – думала я, – и Тэрэн не убьёт меня и всё-таки выберет, я покажу себя с лучшей стороны. Если он подарит мне хотя бы одну ночь, я докажу ему, что могу взрастить сына с печатью – не хуже городских девчонок».

Глава 6

День отбора

Сам День Отбора не был отмечен благими знаменами. Мы не увидели в небе феникса или нефритового змея, сбрасывающего чешую, или дерево плюмерии, расцветшее раньше срока. Пока евнухи гнали нас, сотни девушек, к Восточному дворцу – Дворцу Клинков, – небо оставалось тяжёлым и безмолвным, как камень.

В Чертоге Божественной Гармонии было холодно. Под потолком висели десятки тысяч мечей, покрытых лишайником, и все их острия были направлены вниз; на дальних стенах, среди белых лилий виднелись ряды других клинков – словно зубы в пасти цветочного чудища. Пока мы шли через огромный зал к трону в глубине, мне казалось, что с каждым шагом я захожу всё дальше в страшную сказку на ночь – из тех, что рассказывал нам дедушка Хар: об ужасных и невероятных событиях, чтобы мы не смели уходить далеко от дома.

Зачем только я предложила Цьи сделать из меня посмешище для принца?

Претендентки выстроились перед возвышением, на котором стоял ряд золотых кресел, две колонны с начертанными на них парными надписями и трон, изготовленный из лилий и ещё большего количества мечей. Слуги, евнухи и стражники вокруг пытались сделать вид, что не разглядывают нас – но безуспешно. Их шёпот гулял под сводами зала: «Эта слишком худая», «Вон та хорошенькая, тонкая, как листочек», «Эта с виду изящная, но ноги у неё больно велики».

Девушка передо мной плакала.

Соседка покосилась на неё с нетерпеливым раздражением:

– Возьми себя в руки, Чжэнь. Не сносить тебе головы, если ты явишься перед принцем в таком виде.

Вскоре начали прибывать гости. Имя каждого, кто вступал в открытые ворота, торжественно объявлял глашатай с подёргивающимися усами:

– Генерал Цао Мынь, Вечерний Прилив! Цзюнь Ли, распорядитель церемоний! Смотритель Цыжунь из Чунъяня!..

Они рассаживались на коврах за рядами столиков из вишнёвого дерева, обращённых к трону. Там уже были расставлены холодные закуски и светлое вино. Гости лениво пробовали еду, беседовали и громко, раскатисто смеялись гулким утробным смехом. Мне редко доводилось видеть таких мужчин: с мягкими полными лицами, бритыми подбородками и в одеяниях ярких, как перья шурки. Они отличались от мужчин моей деревни так же сильно, как городские девушки – от меня, и я не могла перестать на них глазеть.

Каждый привёл с собой слуг, которые несли шесты с прикреплёнными к ним прямоугольными знамёнами с кисточками. На них были выведены огромные иероглифы и знаки, которых я не могла прочесть, но догадывалась, что там указаны их ранги, титулы и кланы, к которым они принадлежат.

– Императрица Сунь Ай! – возвысил голос глашатай. – Госпожа глава клана Сунь! И её сын, пятый принц Гуань Жуйи!

С появлением первых членов императорской семьи толпа затихла. Я вытянула шею, чтобы поверх голов других девушек взглянуть на женщину, которая сумела выжить и стать императрицей, в то время как столько её соперниц погибли в результате «несчастных случаев».

У неё были хитрые глаза, длинные ногти и губы, накрашенные ярко-алой киноварью. Золотое платье струилось за ней отблеском солнечного света, мерцая, будто от жара. Она не выглядела чудовищем – напротив, она была безумно изящна, – но всё равно мне невольно подумалось, что она должна была совершить некие невероятные злодеяния, чтобы подняться так высоко.

На руках у неё спал младенец, на щеке которого виднелась пустая печать. Хотя цветочный ободок уже проступил, внутри пока не появилось ни одной черты знака.

Принц Жуйи, как я знала, был слишком мал, чтобы обладать магией. Хотя принцы всегда рождались с зачатком будущей печати, истинная сила приходила к ним лишь в девять или десять лет – в возрасте, когда мальчик начинает становиться мужчиной.

Прошлой осенью, когда наш пятый принц появился на свет, все в Луани гадали, какова будет его сила. Ма ставила на то, что она будет военной, как Дао у Тэрэна, но упрямая тётушка Линь настаивала на торговой, как Лу у Маро. «Торговля у клана Гуань в крови, – ворчала она. – Посмотрите хоть на нашего императора и всех его покойных братьев».

Малыши – Обе, Санка и Жуй Дань – надеялись на нечто зрелищное. Вроде силы Янь Первого Императора, чьи огненные столпы были видны за тысячу ли.

– Значит, император не придёт, – прошептала девушка позади меня. Лицо у неё было бледное и круглое, как луна, глаза настороженные. – Если бы он собирался быть здесь, то пришёл бы вместе с императрицей.

Румяная девушка за её спиной недовольно скривилась:

– Если он не может явиться даже на отбор для собственного наследника, значит, он и впрямь болен так сильно, как говорят.

Императрица заняла место на возвышении, держа сына на коленях, словно куклу, как раз в тот миг, когда глашатай возвестил о прибытии следующего члена императорской семьи.

– Принц Гуань Киран! Призывающий бурю, четвёртый сын Дома Азалий!

По залу пронёсся порыв ветра, лилии на стенах затрепетали. Тысячи голов повернулись к воротам, наблюдая, как процессия людей с синими лентами опустила на землю облачно-белый паланкин. Из него вышел мальчик – костлявый, смуглый и вихрастый.

Кроме его силы # – Фэн, я мало что знала о тринадцатилетнем принце. До Луани доходило немного историй о нём – возможно, потому, что его полностью заслоняли тени старших братьев.

– Я слышала, его мать – простолюдинка, – прошептала луноликая девушка, пока Киран со своей свитой усаживались рядом с моряками Южных морей. – Будто наш император во время военного похода посеял своё семя по всем окрестным деревням. Небо, видно, смилостивилось над нашей страной – одно из них оказалось жизнеспособным.

Розовощёкая претендентка фыркнула:

– Немудрено, что он и вполтину не так хорош собой, как остальные.

Я всё ещё не могла решить для себя, – уродливы сыновья Дома Азалий или прекрасны, хотя все вокруг, казалось, давно определились. «Ах, рождённые с Небесным знаком, – вздыхали женщины в Гуйшане; и даже у рыночных торговек редькой загорался в глазах мечтательный блеск. – Отец императорской крови, мать отобрана из сотен и сотен тысяч. Так стоит ли удивляться, что красота их достойна героев преданий?»

Но в конце концов, уродство и красота – это свойства, присущие людям. А я, как ни старалась, не могла заставить себя видеть в них людей.

Следующим вошёл принц Исан – я почуяла аромат спелых плодов ещё до того, как появился его паланкин. Он и его люди были в одеяниях из цветов и несли тяжёлые корзины с мандаринами и абрикосами. Они сели рядом с наместником Речной провинции, казначеем и несколькими дворцовыми словотворцами в чёрном. Каждому поднесли в дар корзину с плодами.

– Вот этот-то больше похож на принца, – заметила румяная. – Хотя я слышала, что он трусоват и слишком мягок. Сгибается перед людьми, как тростник на ветру.

– Будто у него есть выбор, – тихо фыркнула лунолика. – Ты же знаешь, какая у него безобидная магия.

Я вспомнила сладость того персика на Новый год, восторженный смех Бао, когда он срывал ягоду боярышника с куста. Я не могла понять: благодарна я третьему принцу за то, что он вообще посетил Гуйшань, или злюсь на него за то, что он приехал лишь однажды.

– Но где же наш принц? – пробормотала розовощёкая. – Разве принц Тэрэн не должен был первым...

Она не успела договорить – земля под нашими ногами загудела так, что мы все вздрогнули.

Задребезжали чашки и блюда на столах, зазвенели мечи под потолком. Все обернулись: сквозь деревянный пол, взламывая половицы, пробились камень и мох вперемешку с россыпью жёлтых хризантем. Прямо от ворот через весь зал к пустующему трону, словно разворачивающийся ковёр, сама собой протянулась мощёная тропа.

– Принц Гуань Маро! – немедля объявил глашатай. – Покоритель рек, Строитель Соляного пути и первый сын Дома Азалий! И его супруга, госпожа Сун Сылянь!

С волосами, ниспадающими ниже пояса, в сияющих белых с золотом одеждах и с посохом, украшенным резьбой в виде облаков, вместо меча, – Маро выглядел воплощением сказок о принцах Дома Азалий. Его знак # – Лу, символ дорог и проходов, горел ярче, чем печати его братьев.

И тогда я подумала: наверное, теперь я понимаю, что имеют в виду, когда говорят «прекрасны, как герои преданий».

Гуань Маро: старший, самый благородный, тот, кто должен был по праву стать наследником. Об этом принце я слышала больше всего. В Гуйшане и далеко за его пределами простые люди слагали песни о дорогах, что он проложил, руслах рек, что он изменил, и глухих деревнях, что он соединил с шумными городами. Говорили, что в возрасте одиннадцати лет он построил Соляной путь – важнейший торговый тракт всей страны.

– Я слышала, – прошептала лунолика девушка, – что, ещё будучи наследником, он всё равно не брал наложниц – так велика была его любовь к жене.

– А может, он просто ханжа, – отозвалась розовощёкая претендентка, у которой, видимо, была наготове колкость для каждого принца. – Я слышала, он провёл лучшие годы юности, изнуряя себя в храмах. Может, он настолько набожен, что ему не до девушек.

Я перевела взгляд на женщину, идущую рядом с ним. Её волосы были белыми, как иней – я знала, что это отличительная черта людей из клана Сун. Платье из лотосов сияло, точно лунный свет. Она была красива – это я решила твёрдо. Хотя, как и в отношении тех мужчин, я слабо понимала дворцовые представления о красоте – все эти набелённые лица и вычерненные тушью брови, – меня всё равно восхитила её улыбка. Казалось, этой женщине неведом страх. Глядя на эту улыбку, я понимала, почему она сумела завладеть сердцем принца.

Первый сын, его жена и их слуги заняли свои места у возвышения. Теперь оставался лишь один принц.

Мы ждали Тэрэна долго. Очень долго.

Мы ждали так долго, что серые небеса снаружи разразились серым дождём и створки окон застучали от порывов шквального ветра. Толпа гостей становилась такой же беспокойной, как и небеса, заволновались и девушки, и вот наконец в воротах появилась одинокая, насквозь промокшая фигура.

Глава 7

Милосердие

Повисла тишина. Второй сын Императора медленно вошёл в зал, после каждого шага за ним оставались мокрые следы. У него не было ни паланкина, ни хлопочущих вокруг слуг, ни сопровождающих его союзников. Он носил простые серые одежды. Единственным украшением при нём был обнажённый меч, который он использовал как посох.

Он был ниже ростом, чем в моих кошмарах.

Лицо его не было особенно угрюмым, но ему и не требовалась мрачная гримаса. Неприкрытой угрозы в его чёрных глазах хватило бы, чтобы затопить весь зал. Под слипшимися, мокрыми от дождя волосами пылал огнём символ Дао – #, но, помимо печати, на принце был и другой магический знак. Вокруг всего его тела, подобно сияющим цепям, вились потоки иероглифов Тэньши – призрачно-белых. Видимо, это и есть Арицинский Щит, подумала я: то самое легендарное Благословение, делающее его бессмертным.

– С ним что-то не так, – прошептала розовощёкая претендентка.

Я моргнула: она была права. Принц шёл нетвёрдо, запинаясь на каждом шаге. Несколько раз ему пришлось опереться на меч, чтобы не упасть.

Когда он проходил мимо нас, я уловила кислый, тошнотворный запах крепкого рисового вина.

– Принц Гуань Тэрэн! – Голос глашатая прозвучал неуверенно. – Зимний Дракон, Неподвластный Смерти, второй сын и наследник Дома Азалий.

Ему с трудом дались ступени, ведущие к трону. Он действительно споткнулся и упал – дважды, – но никто не поспешил ему на помощь. Ни знаменосцы в зале, ни сотни слуг и стражников, ни кто-либо из его сводных братьев. Императрица сидела неподвижно, хотя казалось, будто её это зрелище почти радует.

– Да продлятся ваши годы до тысячи, – хором произнесли гости. Обычное церемониальное приветствие для императрицы или наследного принца.

Тэрэн, тяжело опускаясь на трон, разразился лающим смехом.

– Сомневаюсь, что кто-то из вас на самом деле этого желает. – Его голос, даже невнятный от выпитого, звучал мрачно и угрожающе. – Сомневаюсь, что кто-то из вас хочет, чтобы я прожил хотя бы на день дольше.

В животе сам собой завязался тугой узел страха. Я пыталась подготовиться к отбору, воображая Тэрэна чудовищем во всех возможных обликах, но такого я и представить не могла. Немногочисленные пьяные мужчины, которых я видела в игорных домах Гуйшаня, всегда впадали в гнев и швырялись вещами. А из вещей вокруг Тэрэна были только клинки.

На помост поднялся сгорбленный седовласый евнух:

– Если Вашему Высочеству будет угодно, мы начнём отбор прямо сейчас.

– Мне не угодно, Хэсинь, но мне сказали, что сделать это всё равно придётся. – Тэрэн достал из-за пояса флягу из тыквы, сделал долгий глоток и вытер губы широким рукавом.

Взгляд Маро, полный ненависти, мог бы плавить сталь.

Старый евнух по имени Хэсинь поклонился и жестом пригласил первую девушку подняться на помост.

– Итак, от имени второго сына и наследника, а также Матери Внутреннего двора, мы начинаем. – Он развернул свиток и прочитал: – Кан Жо. Дочь Алого генерала Кан Чжулуня из города Аньси.

– Прогнать её, – немедленно бросил Тэрэн. Мне показалось, он даже не взглянул на неё. Сидевшая рядом императрица скривила губы.

– Мы не станем делать ничего подобного. – Она погладила спящего сына по голове длинным ногтем и обратилась к Жо: – Я знаю, дитя моё, что твой дед отдал жизнь за империю во время Войны нагорий. Эта жертва не забыта. Мы принимаем тебя в качестве наложницы. Кроме того, мы даруем тебе один из двух титулов Благородной супруги.

Глаза Жо округлились. Единственной рангом выше Благородной супруги была лишь Наречённая императрица. Судя по всему, ей оказали огромную честь.

Хэсинь опасливо покосился на Тэрэна, будто ожидая его возражений, но принц, казалось, уже утратил способность говорить. Его голова то и дело бессильно клонилась вперёд, а взгляд становился всё более затуманенным.

Евнух сглотнул и снова повернулся к толпе.

– Дом принял решение. Мы благодарим госпожу Кан за воинские достижения её семьи и жалуем ей титул Благородной супруги.

По залу тут же пополз шёпот. Все, кажется, были потрясены не меньше меня. Принц Тэрэн был невероятно могущественен. Носитель магии Дао, наследник империи, обладатель мифического Арицинского Щита.

Почему же он даже не выбирает себе наложниц? Почему отдаёт это на откуп императрице?

Отбор продолжился – Хэсинь перешёл к следующей претендентке:

– Би Лу. Дочь Би Быру, наместника Восточной долины.

После этого назвали возраст будущей наложницы. Хрупкая девушка ступила на помост, ожидая приговора.

Голова Тэрэна опустилась на железный подлокотник трона, тело застыло, точно лёд. На мгновение мне даже показалось, что он не ответит, но наконец он невнятно пробормотал:

– Мне надоело. У нас уже есть одна супруга. Давайте закончим отбор.

– Мой дорогой принц. – Голос императрицы был мягок, как будто она говорила с непослушным ребёнком. – Как Мать Дома я должна напомнить вам о вашем долге: заполнить Внутренний двор целиком. Вряд ли это будет добрым знаком, если столько павильонов останутся пустыми, верно?

Один из союзников Маро громко фыркнул.

Тэрэн через силу поднял голову, пока его взгляд не остановился на Лу.

– Женщины, – протянул он с безмерной усталостью. – Для меня они все одинаковы. Ту, прошлую, мы оставили, так что от этой давайте избавимся.

Он подчеркнул своё решение ещё одним глотком из фляги.

То, каким гадливым тоном он произнёс слово «женщины» – так Ба бранил крыс на нашей кухне, – заставило меня содрогнуться. Что-то было в корне неправильно. В Доме нам говорили, что мы все здесь для того, чтобы зачать дитя, чтобы родить сына, обладающего магией, ради блага Тэньши – и принести славу своей стране. Но если так, почему принц был к нам настолько равнодушен?

На этот раз императрица не стала заступаться за девушку.

Хэсинь выждал ещё немного и объявил:

– Дом принял решение. Мы благодарим госпожу Би за её готовность служить империи и отпускаем её с наградой.

По его знаку из тени вышли две служанки и вручили Лу шпильку в виде красной азалии и небольшой, но увесистый мешочек. Девушка проплакала всю дорогу до дверей.

Отбор шёл своим чередом. Стоило очередной претендентке взойти на помост, как Тэрэн пытался её прогнать. Императрица в большинстве случаев ему не препятствовала. Лишь изредка она вмешивалась, как в случае с Жо, оставляя девушек и раздавая им титулы: «Добродетельная красавица», «Досточтимая спутница», «Наложница второго ранга».

Я заметила, что она делала это только для девушек из влиятельных семей. Казалось, это было продиктовано политическим расчётом, а вовсе не заботой о Тэрэне.

Миньму не выбрали. Когда она поднялась на помост, Тэрэн отослал её не задумываясь – быстрее вдоха. Я не удивилась. Она могла весь прошлый месяц из кожи вон лезть, обзаводясь союзницами, могла всё утро подводить брови волосок к волоску, но всё это не имело значения, когда выбирал не принц, а императрица. А императрица смотрела лишь на то, из какого мы рода.

Хотя Цзоу Миньма и родилась в городе, но по сравнению с остальными её происхождение было весьма заурядным – крошечный костерок, поглощённый сиянием множества солнц.

Когда стражники вели её к выходу, она, стиснув в кулаке шпильку с азалией, обернулась и обвела глазами оставшихся девушек. Найдя меня, она задержала взгляд. На мгновение на её лице промелькнуло некое нечитаемое выражение, а затем она отвернулась и исчезла за дверями.

В горле встал горький ком. Мне следовало бы чувствовать себя отмищённой – за то, как жестоко она насмеялась над моим Ба, как называла меня замарашкой и ни во что не ставила. Но вместо этого мне стало её жаль. Я всё ещё помнила блеск в её глазах во время поездки в экипаже, когда она говорила о том, как станет матерью принца. Теперь эта мечта никогда не сбудется.

«Если уж Миньму не выбрали, – подумала я, – то у меня и вовсе нет шансов». Я сразу почувствовала себя глупой из-за того, что вообще приехала сюда, возложив все надежды своей деревни на невозможное, несбыточное желание.

Очередь передо мной редела. Чем ближе она двигалась, тем меньше я понимала, что чувствую – облегчение или разочарование. Может, награда за участие тоже будет чего-то стоить. Может, её удастся обменять на сладости из боярышника на Новый год.

– Сыма Чжэнь из провинции Внутреннего Моря. – Хэсинь представлял кандидатку передо мной, девушку, что плакала раньше. – Дочь Сыма Эмяня, почтенного купца Внутреннего Моря. Восемнадцать лет.

К этому моменту Тэрэн был уже совсем не в себе. Он пил вино без остановки всё время, пока шёл отбор, приказывая Хэсиню приносить новую флягу всякий раз, как заканчивалась предыдущая. Когда Чжэнь взошла на помост, его голова безвольно свисала на грудь. Глаза были закрыты.

Он не заметил, как она выхватила нож. Не увидел, как она взмахнула им, нацелившись...

Нож. У меня невольно вырвался приглушённый вскрик. К тому времени, как я пришла в себя и осознала происходящее, принц мог погибнуть уже трижды. Но он остался сидеть на том же месте, на троне, живым... потому что клинок Чжэнь его так и не коснулся.

Арицинский Щит забрал его смерть. Лента из иероглифов Тэньши вокруг него внезапно рванулась вперёд, обвилась вокруг ножа Чжэнь, словно цепь, и заставила сталь замереть на расстоянии в волос от сердца принца. Мне почудился за тронем призрачный силуэт белого тигра, но я моргнула, и он исчез.

«Невозможно, – подумала я, так и не выйдя из оцепенения. – Разве бывает такая могущественная магия?»

Чертог взорвался криками. Закричали гости, заголосили слуги, оставшиеся претендентки сбились в кучу, точно испуганные гусыни.

– Уведите убийцу! – кричал Хэсинь, пытаясь перекрыть шум. – Защитите принца!

– Нет. Никому не двигаться. – Голос Тэрэна прозвучал на удивление отчётливо. Он открыл глаза, словно пробуждаясь от долгого сна.

В зале повисла тишина. Чжэнь выпустила из рук застывший клинок – Щит, обвивший его, удерживал оружие в воздухе – и упала на колени.

– Ваше Высочество, – выдохнула она. – Простите... отец заставил меня... я не по своему умыслу...

От того, как Тэрэн посмотрел на неё – будто она рассказала шутку, которую больше никто в комнате не счёл смешной, – у меня кровь застыла в жилах. Хэсинь, должно быть, увидел в его взгляде то же самое.

– Ваше Высочество, прошу вас, – торопливо заговорил он. – Позвольте нам отвести её в Обитель Поклонения Небесам, где мы допросим её согласно установленному порядку.

– Нет нужды. Я разберусь с ней сам, здесь и сейчас.

Впервые за всё утро принц был собран и бдителен. Его тёмные глаза пристально впились в Чжэнь, словно он не боролся со сном ещё мгновение назад.

– Я-то думал, что мой отбор превратится в невыносимо скучное театральное представление. Но, кажется, Предки сегодня благосклонны. Они послали мне развлечение.

Чжэнь издала сдавленный хрип и поползла назад.

– Тэрэн. – Маро поднялся со своего места рядом с купцами Соляного пути. – Не забывайся. Это Дом Азалий, и здесь существуют правила, которые нужно соблюдать. Ты не должен бесчестить нашего отца и Предков.

Взгляд Тэрэна скользнул к нему.

– Ах, Маро. Ты вступаешься за убийцу. Если истолковать это предвзято, можно решить, что ты тоже желаешь моей смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.